

ГАЛЛИПОЛИЙСКОЕ СИДЕНИЕ

Эвакуация из Крыма потерпевшей поражение Русской армии была значительным успехом Врангеля. Теперь вывезенные из Крыма войска становились важным козырем в борьбе за влияние на эмигрантскую общественность. По словам Н. Н. Чебышева, ставшего помощником барона по гражданским делам, «политик Врангель сказывался в ясном понимании, что спасенная, им вывезенная из России часть русского народа в лице армии, доказавшей свою жертвенность в борьбе с 1918 года, культурные силы, ушедшие за границу вместе с нею, учреждения церкви, воспитания, призрения, молодежь, дети, представители науки, литературы и искусства и т. д. — это тот свободный кусок русской земли, который необходимо сберечь от распыления для будущего».

Прежде всего, в Константинополе надо было хоть как-то обустроить солдат и беженцев. Англо-французские власти, контролировавшие их размещение, определили его местом Галлиполийский полуостров, где в 1915 году десант Антанты вел тяжелые бои с турками. В армии сохранялись военные порядки. Семьи военнослужащих, а также гражданские беженцы, работавшие в армейских или правительственные учреждениях, получали пайки.

Жизнь в лагерях была довольно тяжелой. Те беженцы, у которых были какие-то средства или их ранее эмигрировавшие родные и близкие имели жилье, предпочитали размещаться в самом Константинополе. Эмигранты-старожилы стремились помочь новоприбывшим в турецкую столицу. 19 ноября Н. Н. Чебышев записал в дневнике о прибытии кораблей с основной массой беженцев:

«Графиня М. И. Мусина-Пушкина, княгиня Урусова и барышни, дочери той и другой, отправились на американском катере в объезд “беженской” эскадры, которая стоит в Мраморном море между Модой и Принцевыми островами. Я сопровождаю дам. Цель поездки — отвезти на пароходы всякое вспомогательное продовольствие. Катер завален хлебами, банками сгущенного молока, табаком, шоколадом в больших пакетах. С нами какие-то англичане, почему-то в совершенстве говорящие по-русски и тянувшие водку из бутылок вместе с американскими матросами.

Пасмурный день. Издали видно большое количество судов, пришедших из России. Палубы усеяны народом. “Саратов” стоит с некоторым креном.

Развозим провиант. Я собираю сведения о женщинах и детях по поручению графини Е. М. Гейден. Всюду на пароходах

знакомые. Спускают веревки, пустые банки, из иллюминаторов тянутся руки. Вы не видите скрытого тентом лица, видите только растопыренные пальцы. Всовываете в них хлеб, банку молока, коробку папирос. Пальцы, как спрут, сжимаются, исчезая с “добычей”...

Смеркалось. Продолжали объезд эскадры. Самое большое впечатление производит “Рион” (где находится Н. Н. Львов). “Рион” стоял высокой черной тюрьмой. Вместо трапа болталаась веревочная лестница. Послали на веревках наверх разную мелочь. Я говорил (кричал) с Н. Н. Львовым и другими знакомыми. Все они были возбужденные.

Совсем стемнело. С “Саратова” сняли офицера, жениха одной барышни. Графиня М. И. Мусина-Пушкина с “Петра Эгира” вывозила раненого сына и осталась на “Петре Эгире”. Снять ей сына удалось только в 4 часа утра. Прибыли к Галатскому мосту в 9 часов вечера».

Во время этого объезда бухты Чебышев увиделся и с главнокомандующим:

«Подъезжали к “Корнилову”, где Врангель. С парохода съехал епископ Вениамин с отцом Георгием Спасским.

Поднялся один на “Корнилов”. Врангеля видел недолго, потому что боялся, что уйдет катер. Врангель сидел в большой кают-компании за длинным широким столом, на котором были разложены карандаши и бумага, как для заседания. На мой единственный вопрос Врангель ответил:

— Дела не брошу, буду бороться до конца. Армия не распадется, — это национальная Россия; около армии все могли бы объединиться — вот в нескольких словах мой план.

На лице Врангеля серый оттенок, в глазах — лихорадочный блеск».

Барон теперь ощущал себя не только военным, но и политиком. По его убеждению, армия должна была сохраниться в изгнании, чтобы стать центром консолидации всех здоровых сил русской эмиграции, а в перспективе — и самой России. Похоже, Петр Николаевич искренне верил, что не за горами то время, когда русский народ образумится и восстанет против большевиков. Вот тогда и пригодятся галлиполийцы, чтобы высадиться десантом где-нибудь на юге России.

В интервью, данном представителям русской и иностранной прессы 19 ноября 1920 года, Врангель заявил:

«Я буду находиться при войсках и продолжать жить на крейсере, пока войска продолжают оставаться на судах. Правительство, значительно сокращенное, будет ведать вопросы, вытекающие из создавшегося положения. Все заграничные представительства остаются на местах.

Я глубоко убежден, что армии нашей в самом недалеком

будущем придется снова сыграть громадную роль в борьбе с большевизмом, который, не довольствуясь успехами, достигнутыми на юге России, будет стремиться к осуществлению основной своей задачи — зажечь мировой пожар».

Между тем оснований для подобного рода планов было еще меньше, чем в Крыму. Там, по крайней мере, была хотя бы теоретическая возможность создать «опытную ферму», привлекательную для остальной России. Галлиполийские лагеря, где люди существовали почти на грани выживания, на скучные пайки, отпускаемые французским интендантством, в качестве «опытной фермы» никак не годились. Русская эмиграция была расколота, причем в ее либеральных и демократических кругах существовала сильная оппозиция Врангелю. Не было единства даже среди монархистов, которые разделились на приверженцев великих князей — Николая Николаевича и Кирилла Владимировича. Врангель поддерживал «николаевцев», но стремился к тому, чтобы объединить сторонников обоих членов императорской фамилии. Что же касается иностранной интервенции, то ее не удалось добиться даже тогда, когда белые армии контролировали обширные российские территории, а теперь надежды на нее стали совсем призрачными.

Но Врангель привык командовать офицерами и солдатами. Он не мыслил себя вне армии. Чтобы было кем командовать, он сохранял армию и убеждал себя и других в том, что рано или поздно она будет востребована русским народом.

В эмиграции Врангель жил скромно, наравне с подчиненными снося тяготы полунищенского быта. 20 ноября 1920 года журналист Чебышев отметил в дневнике: «Врангель сегодня, говорят, нездоров. На “Корнилове” плохая еда. Там пытаются не лучше, чем на обыкновенных “беженских” транспортах».

Через три дня Н. Н. Чебышев обедал и разговаривал с Врангелем на корабле. После этой встречи он сделал дневниковую запись:

«На “Корнилове” масса офицеров, как несколько дней тому назад. Врангель нездоровится. Перед обедом говорили о печати. Денег нет.

...Разговор о судьбе армии. Армию рассредоточат в Галлиполи, Чаталдже и на Лемносе... К концу обеда приехал английский адмирал. После обеда я имел получасовую беседу с Врангелем в его каюте. Маленькая каюта, убранство которой мало напоминает комфорт кают английских судов. Крашеный белый шкаф, койка, на столе икона. Лежит французская книга “Европейский хаос”. На стене висит платье, на полу потертый желтый чемодан. На столе разложен туалетный несессер.

Я спросил Врангеля, сохраняет ли он звание “правителя”. Он ответил:

— Оно отпадает само собой. Был правитель Юга России. Нет Юга России как общерусской территории, неподвластной большевикам, стало быть, нет и правителя.

После довольно длинного разговора о конце Крыма Врангель немного помолчал и сказал:

— Теперь наступает минута, когда придется некоторое время, быть может, довольно продолжительное, действовать не оружием, а словом, — в дело должна вступить печать.

Он просил меня переговорить по этому поводу с Вернадским и адмиралом Б. (вероятно, имеется в виду контр-адмирал А. Д. Бубнов. — *Б. С.*).

Я не понял, при чем тут Б., но говорил с ним. Он пришел ко мне в каюту Врангеля. Б. в разговоре высказал недоумение по поводу того, как осведомляется относительно наших дел общественное мнение.

— Помилуйте, — сказал Б., — я в четверг выехал из Софии. Там знали только то, что было о крымской эвакуации в большевистских газетах. А в них говорилось, что Врангель, захватив казенные деньги, бежал из Севастополя!

Так заносились в сознание европейского общественного мнения первые слова трагедии».

Чебышев постепенно стал одним из главных советников Врангеля. Сам барон так объяснил это Николаю Николаевичу: «Струве нет, Кривошеин уезжает в Париж. Мне нужны часто советы по общеполитическим вопросам. Со стороны виднее. Продолжайте, пожалуйста, в свободное время приезжать, когда найдете нужным, лучше всего вечером, для чего я буду в указанное время присыпать за вами катер...»

По мнению Чебышева, Врангель переживал тяжелое время: «...надо было втиснуть живую вооруженную силу, армию, в необычные условия заграничного “прозябания” на беженском положении и в то же время видоизменить условия так, чтобы армия сохранилась преимущественно как военная организация. Совещания проходили нервно, бурно.

Врангеля союзное командование не пускало на берег. В крайнем случае, разрешало съехать куда-то далеко и гулять в штатском платье. Врангель отмахивался от таких “льгот”.

— Они хотят, чтобы я разгуливал на берегу каким-то “Рокамболем”*. В этой каюте я бегаю как зверь в клетке в полном сознании бессилия что-нибудь сделать».

---

* Рокамболь — герой романов французского писателя Пьера Алексиса дю Террайля-Понсона, преступник, глава шайки «червонных валетов». Первая книга 22-томного цикла вышла в 1858 году. «Похождения Рокамболя» являются классикой жанра авантюрного романа с тайнами, интригами, накалом страстей, похищениями, дуэлями, роковой любовью. (*Прим. ред.*)

Чебышев, почти через день ездивший в то время к Врангелю, вспоминал:

«Он переехал уже на “Лукулл” (яхту. — Б. С.). Однажды я застал его в возбужденном состоянии. Он шагал по каюте и, вооружившись жестяной коробкой, бил тараканов, бегавших по облицовке красного дерева. Врангель выразил удовольствие, что живет теперь среди темных стен. Среди них он отдохнул от белесоватой внутренней окраски “Корнилова”.

— Я — как пленник. Не могу съехать на берег. Хотел осмотреть лазареты. Нельзя. Всё под предлогом моей безопасности. А в действительности просто боится, что я могу войти с кем-нибудь в связь. Хотел на Галлиполи и Лемнос ехать на “Лукулле”. Нельзя. Везут на броненосце “Прованс”, куда я не могу взять кого хочу. Я с ними резок, ругаюсь, а они меня обезоруживают, соглашаясь со мной. Возмущаются своим правительством, но указывают на то, что они солдаты и обязаны подчиняться приказаниям.

Врангель прочел мне письма, полученные от Струве и Кривошеина. Оба умоляют его не слагать власти. Кривошеин пишет, что Фош стоит за сохранение нашей армии как единственной вооруженной силы, посвятившей себя борьбе с большевиками».

В конце декабря 1920 года Чебышев по предложению Врангеля стал начальником бюро русской печати в Константинополе.

После эвакуации остатки Русской армии дислоцировались следующим образом: 1-й армейский корпус А. П. Кутепова, произведенного 20 ноября 1920 года «за боевые отличия» в генералы от инфanterии, разбил лагерь на Галлиполяйском полуострове, недалеко от города Галлиполи. Донской корпус Ф. Ф. Абрамова был размещен в нескольких лагерях в окрестностях Константинополя (самые большие — в Чаталдже и Чилингире). Кубанские части были сведены в Кубанский корпус М. А. Фостикова, отправленный на остров Лемнос. В лагерях в Галлиполи, в Чаталдже и в Чилингире были подготовлены казармы, плац, устроены кухня, учебные классы в виде рядов камней на земле (занятия приходилось проводить на открытом воздухе), гимнастические снаряды.

В 1-й армейский корпус были сведены пехотные, стрелковые, кавалерийские, артиллерийские и инженерные части, сформированные во время Гражданской войны, и остатки бывших полков, включая гвардейские, российской императорской армии, а также юнкерские училища и офицерские школы. Корпус Кутепова состоял в основном из кадровых офицеров и офицеров военного времени. Высокий процент офицерства, наличие «цветных» добровольческих частей

(корниловцев, марковцев, дроздовцев и алексеевцев) и кадров бывшей императорской армии делали корпус Кутепова самым боеспособным и сплоченным в Русской армии. Дезертиров и возвратившихся в Советскую Россию из него было значительно меньше, чем среди донцов и кубанцев.

Дисциплина поддерживалась порой суровыми мерами. Так, в корпусе Кутепова 178 человек были осуждены военно-полевым судом и столько же — корпусным судом. 12 мая был расстрелян старший унтер-офицер 1-го кавалерийского полка Борис Копп, обвиненный в том, что вел «агитацию среди воинских чинов своего полка, направленную на разложение армии, убеждал уходить из армии».

Армия Врангеля отказалась сдать стрелковое оружие (винтовки и пулеметы), а англо-французская администрация не стала принуждать ее силой. Кутепов отдал приказ собрать всё оружие и хранить его под караулом, а в каждой дивизии сформировать батальон из шестисот человек, вооруженных винтовками, с пулеметной командой в 60 пулеметов.

В первые месяцы 1921 года численность 1-го армейского корпуса составляла около шестнадцати тысяч человек, но в списках показывалось 30—32 тысячи. В Донском корпусе числилось более четырнадцати тысяч военнослужащих, а в Кубанском корпусе — около шестнадцати тысяч. Количество кубанцев и донцов в официальных списках также завышалось примерно вдвое, чтобы получать больше продовольствия от французского интендантства. Французы закрывали на это глаза. Армия Врангеля содержалась за счет денежных средств Франции, выдаваемых под залог судов и другого имущества. По заготовочным ценам французского интендантства общая стоимость содержания 1-го корпуса в Галлиполи обходилась французам в 1 миллион 700 тысяч в месяц, примерно столько же тратилось на Донской и Кубанский корпуса (с учетом завышения реальной численности вдвое). Стоимость же судов и вывезенного из Крыма сырья и другого ценного имущества составляла около 30 миллионов франков.

За зиму 1920/21 года командованию удалось путем отсева разочаровавшихся в Белом движении, суровых мер и организации регулярных занятий восстановить дисциплину и боеспособность частей.

Условия жизни на Лемносе были значительно тяжелее, чем в Галлиполи. Казаки размещались в палатах. Завтрак состоял из ложки консервов и четверти фунта хлеба.

В холода, при нехватке питания и медикаментов бичом лагерной жизни стали эпидемии. В декабре 1920 года в лагерях было зарегистрировано 363 случая заболевания брюшным ти-

фом, 188 — сыпным тифом, 677 — гриппом, 25 — оспой. Для борьбы с ними во всех лагерях были размещены санитарные учреждения, служащие которых делали прививки против оспы и тифа. В Чаталдже, где была вспышка холеры, сделали прививку и против нее. Со временем во всех лагерях были организованы бани и дезинфекционные камеры. Все эти меры позволили до наступления весны остановить распространение эпидемий.

По приказу французского командования 8 декабря 1920 года русская эскадра покинула Константинополь и 22—23 декабря пришла в Бизерту (Тунис), где располагалась крупная военно-морская база Франции. Таким образом, у Врангеля исчезла даже теоретическая возможность организовать десант в Россию. Тем не менее советская разведка в 1921—1922 годах не раз сообщала, будто Врангель планирует высадить свою армию с помощью флота то в Крыму, то на Кавказе. Правда, в Кремле вряд ли верили в эти фантазии.

Среди русских военных и беженцев в Константинополе возникали довольно экзотические развлечения. Н. Н. Чебышев пишет в мемуарах, что вначале появилось увлечение лото:

«Русские завезли в Константинополь и свое поветрие — лотошные клубы. Лото проникло всюду, даже туда, где держалась турецкая самобытность, и в угрюмый, чинный Стамбул. Появилось свыше 400 таких лотошных клубов. В среднем в день играло до 12 тысяч человек. В совокупности содержатели лото выручали до 17 тысяч лир в день. Лотоказалось единственным в своем роде предприятием — оно не могло дать убытка. Прогоревшие рестораторы бросались на лото. Но это оказывалось иногда иллюзией. Русские лотошники прогорали и на лото — слишком дорого стоило ладить с полицией».

Вскоре появился новый аттракцион, который теперь известен всему миру благодаря пьесе Михаила Булгакова «Бег». Чебышев рассказывал:

«На лото междусоюзная власть пошла, в конце концов, с гонениями. Тогда два русских беженца решили использовать местных тараканов: были открыты тараканьи бега. Тараканы бегут, запряженные в тележки, бегут, испуганные электрическим светом. На номера, то есть на тараканов, ставят, как на лошадей.

Англичанин, к которому пришли за разрешением, мгновенно, как спортсмен, проникся целесообразностью идеи:

— Вот это именно то, что было нужно!.. Вот этого у нас, действительно, не хватало.

Он не шутил, говорил совершенно серьезно.

Я как-то зашел взглянуть на тараканьи бега. Ростовское

скаковое общество, вывезшее в Константинополь своих лошадей, прогорело из-за дороговизны кормов. Тараканов прокормить дешевле, и они сразу завладели симпатиями публики.

Огромная зала с колоссальным столом посередине. Стол заменяет ипподром. Это кафародром. На нем устроены желобки, по желобкам бегут тараканы, запряженные в проволочные колясочки. Вокруг жадная любопытствующая толпа с блестящими глазами. Самые настоящие, черные тараканы, но изумительно крупной величины.

— В банях собираем, — объясняют владельцы.

У некоторых свои “конюшни”, тараканов приносят в коробках.

Выдачи тотализатора доходили до ста лир (тысячи франков).

1 мая закрыли лото, около которого кормились несколько тысяч русских (в качестве служащих), а через два-три дня открыли тараканьи бега».

Неизвестно, знал ли Врангель о «тараканьих бегах». Возможно, Чебышев всё же не рассказал главнокомандующему об этой экзотике, щадя его чувства.

Влияние главнокомандующего на армию постепенно падало, особенно в казачьих частях. Уже 19 ноября на Лемносе собрались все наличные члены Кубанской рады, и кубанским атаманом был избран генерал В. Г. Науменко, находившийся в то время в Сербии. 20 ноября он записал в дневнике: «Сегодня получил из Константинополя телеграмму Скобцова об избрании меня в атаманы. Придется согласиться, так как в такое тяжелое время отказаться нельзя. Кубанцы совсем в загоне». 27 декабря 1920 года в Константинополе Науменко встретился с Врангелем. Он заявил о том, что своей главной задачей считает переход казаков в Сербию и Болгарию и организацию Кубанского войска вне России. Врангель на выборах кубанского атамана поддерживал кандидатуру Фостикова, но потерпел неудачу. Впоследствии Науменко отстранил Фостикова от командования Кубанской дивизией в Сербии. По инициативе Науменко был создан Союз трех казачьих войск — Дона, Кубани и Терека. Войсковые атаманы и представители казачьих правительств 1 января 1921 года в Константинополе подписали соглашение и выработали декларацию, согласно которой будущая Россия мыслилась как демократическая республика, которую утвердит Российское учредительное собрание.

В январе 1921 года Врангель и Науменко встречались десять раз. Барон предлагал либо рассеять казаков по Европе, либо переселить в Грузию, либо перебросить казачьи части на Кавказ и далее в родные станицы, где они должны были организовать восстания. Все эти проекты Науменко отверг.

Врангель требовал внести в декларацию об объединении Дона, Кубани и Терека упоминание о руководящей роли главно-командующего или, наоборот, о ликвидации Севастопольских соглашений июля 1920 года, регламентирующих статус казачьих формирований в Крыму. В качестве альтернативы казачьему объединению Петр Николаевич предложил создать Русский совет. Науменко охарактеризовал Врангеля в дневнике: «Будучи талантливым командующим, он удивительно легко мыслен в остальном». Атаман припомнил, что еще в Крыму слышал от Врангеля выражение недоверия к казачеству — тот заявил на одном из совещаний по поводу неудачи десанта Улагая на Кубани в августе 1920 года: «Это к лучшему, после этой неудачи казаки должны понять, что одни они ничего не могут сделать. Следующий десант он подготовит иначе и побольше частей не казачьих».

По инициативе Науменко в 1921 году более двенадцати тысяч кубанцев были перевезены с Лемноса в Югославию, а оттуда расселились по многим странам. Фактически они оказались вне контроля Врангеля.

В марте 1921 года в России произошло Кронштадтское восстание, породившее среди галлиполийцев надежду на скорый крах большевиков. Н. Н. Чебышев вспоминал: «Нас, конечно, интересовал вопрос, под каким политическим флагом поднято восстание в Кронштадте. Вопрос этот интересовал, однако, лишь нас, штатских политиков. Русские же белые офицеры откликнулись на события совершенно иначе. Их совсем не интересовали “платформы”, “флаг”, “программа”, им было всё равно, кто подымал восстание, хотя бы эсэры: офицеры хотели ехать им помочь, драться вместе с “кронштадтцами”, кто бы они ни были и что бы ни исповедовали. Ко мне группами в бюро приходила военная молодежь, прося помочь добраться до Кронштадта. Молодежь обнаруживала чуткий политический инстинкт, легший в основу всей Белой борьбы, которая велась не за определенный политический режим, а за физическое спасение России. Надо было тело России спасти от смерти».

Однако восстание было жестоко подавлено войсками под командованием М. Н. Тухачевского. Затем та же участь постигла выступления на Тамбовщине и в других губерниях. Введение нэпа, отмена продразверстки уменьшили недовольство крестьян большевистской властью и выбили почву у массового антисоветского движения. Надежды на то, что галлиполийцам удастся с боями вернуться на родину, таяли с каждым месяцем. Тем не менее авторитет Врангеля среди константинопольских эмигрантов оставался высоким. Н. Н. Че-

бышев вспоминал: «Врангель в Константинополе царил. Царил морально. Он пользовался престижем на верхах, популярностью в массах, и русских, и туземных. Супруги Врангели были нарасхват — ни одна вечеринка, ни один обед, устраиваемые в кругах верховных комиссаров, на судах межсоюзной эскадры, не обходились без П. Н. и О. М. Врангель... Среди беженцев Врангель пользовался популярностью, которая передавалась иностранцам и местному населению. На улице его встречали радостные улыбки. В общественных местах, в садах оркестры, видя его, подымались с мест и играли Преображенский марш. Публика, в том числе иностранные офицеры, принимали участие в овациях. К О. М. Врангель в Галлиполи являлась депутация местной армянской колонии с просьбой освободить армян от греческой воинской повинности».

Чебышев объясняет причину притягательности личности барона: «У Врангеля было редкое соединение: он импонировал и в то же время привлекал к себе сердца. И в сношениях с людьми не упускал никогда русского интереса, во время беседы ли с американским адмиралом, или с маленьким беженцем, явившимся к нему с просьбой. Под теплой оболочкой личного обаяния он хранил холодный расчет государственного человека, соотносящего свои поступки с будущим вверенных ему судьбой масс и далекой страны, к которой стремились его помыслы».

Барон смог подняться над собственной сословной принадлежностью и политической приверженностью, стремясь консолидировать все эмигрантские силы. Чебышев пишет:

«Он понял, что необходим политический центр, орган, представляющий зарубежную Россию, учреждение, где были бы представлены все течения. И он создал “Русский совет”, где были налицо представители всех партий, где рядом с плехановцем сидел монархист. Мы торжественно в “холле” российского посольства открывали “Русский совет”. На открытии присутствовали иностранные корреспонденты. Произнесены были звучавшие молодостью речи.

Врангель говорил:

— Деятельность совета должна протекать вне обособленных домогательств партийных образований. Они давно обратились в пережитки, утратившие смысл прежнего своего предназначения. Но даже эти партии, как бы цепко они ни держались прошлых своих заданий и тактических приемов, свободно могли бы идти теперь сомкнутым строем к осуществлению бесспорных и очевидных задач текущего времени. Подобное слияние усилий могло бы последовать, конечно, при условии, если бы в сердцах отдельных деятелей образ

страдалицы-родины заслонил угасающую жизнь отживших свой век политических сочетаний.

Врангель не только посадил рядом в одном зале политических противников — он заставил их совместно плодотворно работать. Он не ограничил совет горсточкой оказавшихся под рукой “нотаблей”*. Он задумал нечто большее: им было выработано положение о выборах в совет от эмиграции. Он добился того, что был создан аппарат, в одно и то же время независимый и работоспособный, и не мешавший его, Врангеля, действиям как главнокомандующего».

Русский совет был сформирован в Константинополе в марте 1921 года как «преемственный носитель законной власти», а фактически — как русское правительство в изгнании, пытавшееся распространить свою власть на всю русскую эмиграцию. Наряду с генералами А. П. Кутеповым, П. Н. Шатиловым и П. А. Кусонским в него вошли граф В. В. Мусин-Пушкин, Н. Н. Львов, председатель Союза торговли и промышленности Н. А. Ростовцев, член Центрального комитета Конституционно-демократической партии (kadетов) князь П. Д. Долгоруков, бывший меньшевик Г. А. Алексинский. Однако за пределы русской общины Константинополя, включая галлиполийские лагеря, власть Русского совета не распространялась. Он не был признан ни правительствами Дона, Кубани и Терека, ни русскими эмигрантскими общинами в Европе, ни европейскими правительствами. После переезда в Сербию Русский совет прекратил свое существование в сентябре 1922 года.

Врангель жил на яхте «Лукулл» до того момента, как она затонула после столкновения с итальянским пароходом. (Подозревали, что это был не случайный инцидент, а покушение на Врангеля.) Н. Н. Чебышев вспоминал о последней встрече с Врангелем на борту его плавучего пристанища:

«14 октября 1921 года накануне отъезда в Софию я отправился на “Лукулл” проститься с Врангелем. “Лукулл”, на котором жил Врангель, стоял в это время между Топ-Хане и Дольме-Бахче вблизи турецкого парламента, на бочках, к которым когда-то был прикреплен наш стационар**. Переведен “Лукулл” был сюда с более отдаленного пункта, середины Босфора, так как Врангелю приходилось пешком ходить в посольст-

* Нотабли (от лат. *notabilis* — значительный) — члены совещательного собрания, созывавшегося в XIV—XVII веках во Франции королем для обсуждения государственных вопросов. Назначались королем из представителей трех сословий: высшего дворянства, духовенства, городской верхушки. (*Прим. ред.*)

** Стационар — в данном случае судно, постоянно находящееся на стоянке в иностранном порту. (*Прим. ред.*)

во. Раньше это составляло версты четыре, автомобиль же и оба катера были испорчены, и на починку денег не было. Врангель всегда стеснялся что-нибудь тратить на личные надобности...

Врангель оставил меня завтракать. Как всегда, завтракали несколько человек.

Прощаясь со мной, он сказал:

— Передайте в Софии Шатилову, что нельзя больше тянуть с перевозкой последних войск. Они нервничают. Вся теплая одежда отправлена в Болгарию и Сербию, войска ходят в гимнастерках.

Когда моя шлюпка отваливала от яхты, Врангель стоял у борта и улыбался. Он что-то крикнул, но я не рассыпал.

“Лукулл”, выделявшийся своими изящными очертаниями, казался барской игрушкой. Он слегка покачивался на синей зыби Босфора. В прежнее время “Лукулл” был яхтой российского посла в Константинополе и носил название “Колхида”. Потом он... стал яхтой командующего Черноморским флотом, а в константинопольское время сделался штаб-квартирой генерала Врангеля. С докладами мы ездили на “Лукулл”. Некоторые наши совещания происходили на нем же. На “Лукулле” Врангель переживал и вынашивал трагедию своей армии, размещенной в Галлиполи, Лемносе.

Отсюда он вел борьбу, изо дня в день отстаивая искусно и упорно перед союзным командованием целостность военной организации.

“Лукулл” стоял совсем близко от берега. Высадившись из шлюпки на пристань и взглянув последний раз на него, я, конечно, не подозревал, что ему осталось жить последние сутки».

Пятнадцатого октября 1921 года около набережной Галаты яхту протаранил итальянский пароход «Адрия», шедший из советского Батума, и она мгновенно затонула, унеся жизни трех членов экипажа. Врангеля и членов его семьи на борту в этот момент не было. Странные обстоятельства гибели «Лукулла» вызывали у многих современников подозрения в организации преднамеренного столкновения.

Когда через два дня Чебышев в Софии показал телеграмму о гибели яхты Шатилову, тот заметил: «Бедный главком, всё то немногое, что было у него, хранилось на “Лукулле”».

Чебышев описал обстоятельства гибели плавучей штаб-квартиры Врангеля, основываясь на воспоминаниях очевидцев:

«“Лукулл” был протаранен 15 октября около 5 часов дня шедшим из Батума итальянским пароходом “Адриа”. Генерал Врангель и командир яхты находились на берегу, съехав с яхты примерно за час до ее гибели. Спокойное поведение всех чинов яхты и конвоя главнокомандующего дало возможность

погрузить на шлюпки и спасти в первую голову семьи чинов яхты и команду. Все офицеры и часть матросов до момента погружения оставались на палубе и, лишь видя непредотвратимую гибель яхты, бросились за борт и были подобраны подспевшими катерами и лодочниками.

Дежурный офицер мичман Сапунов пошел ко дну вместе с кораблем. Кроме мичмана Сапуна, погиб также корабельный повар Краса. Позже выяснилось, что погиб еще третий человек — матрос Ефим Аршинов, уволенный в отпуск, но не успевший съехать на берег».

Чебышев привел несколько фактов, свидетельствующих в пользу утверждения о преднамеренном потоплении яхты с целью покушения на Врангеля:

«“Лукулл” стоял у европейского берега Босфора, почти около самого берега. Для того чтобы яхту протаранить, пароходу надо было перпендикулярно повернуть к берегу, свернув в сторону от своего курса. В день катастрофы прибывший из Батуми океанский пароход итальянского пароходства “Адриа”... возвращался после союзного контроля к набережной Галаты. “Адриа” врезалась в правый борт яхты и буквально разрезала ее пополам. От страшного удара маленькая яхта стала тотчас же погружаться в воду и в течение двух минут затонула.

Удар пришелся как раз в среднюю часть яхты — нос “Адрии” прошел через кабинет и спальню генерала Врангеля...

Когда “Адриа” подошла к “Лукуллу” до 3-х кабельтовых (300 морских саженей), казалось, что она свободно разойдетсѧ с “Лукуллом”, оставив его с правого борта, но “Адриа”, изменив курс, шла прямо на “Лукулл”...

Сблизившись с “Лукуллом” на полтора кабельтовых (150 морских сажен), “Адриа” отдала один якорь, затем застопорила машину и дала задний ход. Но было уже поздно — по инерции корабль шел прямо на “Лукулл”. На расстоянии менее одного кабельтова (100 морских сажен) “Адриа” отдала второй якорь, но это было уже бесполезно.

“Адриа” ударила “Лукулл” в борт под прямым углом и, разрезав борт “Лукулла” на протяжении более трех футов, отошла задним ходом. Никаких мер для спасения людей “Адриа” не приняла: ни одна шлюпка не была спущена, не были поданы концы и круги».

А вот рассказ очевидца, подъесаула Кобиева, находившегося на яхте главнокомандующего в момент крушения:

«15 октября, около 4 часов 30 минут дня, я поднялся из своей каюты и вышел на верхнюю палубу. Встретившись там с дежурным офицером, мичманом Сапуновым, мы начали гулять. Через некоторое время мы обратили внимание на шедший от

Леандровой башни большой пароход под итальянским флагом. Повернув от Леандровой башни, он стал пересекать Босфор, взяв направление на “Лукулл”. Мы продолжали следить за этим пароходом. Пароход с большой скоростью, необычайной для маневрирующих или входящих в Золотой Рог судов, приближался к “Лукуллу”. Заметно направление пароход не менял, и было ясно видно, что, если он не изменит направления, “Лукулл” должен прийтись на его пути. Когда пароход был прямо на носу итальянского дредноута “Дуильо”, я, видя, что итальянский пароход не уменьшает скорости и не изменяет направления, спросил мичмана Сапунова, не испортилась ли у него рулевая тяга, так как при той скорости и громадной инерции, какие он имел, он не успеет свернуть в сторону, даже если положить руль круто на бок. Сапунов ответил, что, действительно, что-то ненормально. Но тогда пароход не шел бы с такой скоростью и уверенностью, давал бы тревожные гудки и так или иначе извещал бы о своем несчастье и опасности от этого для других. Тем не менее пароход, не уменьшая хода, двигался на яхту, как будто ее не было на его пути... Шагов примерно за 300 от яхты мы увидели, как из правого шлюза отдали якорь. Тут нам стало ясно, что удара нам в бок не миновать, так как при скорости, с которой шел пароход, было очевидно, что на таком расстоянии якорь не успеет и не сможет забрать грунт и удержать пароход, обладающий колossalной инерцией. Мичман Сапунов крикнул, чтобы давали кранцы, и побежал на бак вызывать команду. Я кинулся к кормовому кубрику, где помещались мои казаки, и закричал, чтобы они по тревоге выбегали наверх. В этот момент я услышал, как отдался второй якорь, и пароход, приблизясь так, что уже с палубы “Лукулла” нельзя было видеть, что делается на носу парохода, продолжал неуклонно надвигаться на левый борт яхты. Секунд через 10 он подошел вплотную, раздался сильный треск, и во все стороны брызнули щепки и обломки от поломанного фальшборта, привального бруса и верхней палубы».

И всё же версия о преднамеренном покушении не кажется реальной. Во-первых, нельзя было предвидеть, когда именно Врангель будет на яхте. Во-вторых, невозможно было столь прицельно протаранить «Лукулл», чтобы нанести удар точно по каюту главнокомандующего. В-третьих, для того чтобы умышленно таранить яхту, необходимы были согласованные действия ряда членов команды «Адрии», включая ее капитана. Трудно представить, чтобы ЧК в короткий срок смогла бы завербовать столь большое число итальянских моряков, с риском огласки. К тому же капитану пришлось отвечать перед судовладельцем за катастрофу со всеми ее последствиями вроде срыва рейса, вы-

плат компенсаций пострадавшим и т. п. Если бы чекисты действительно хотели убить Врангеля, то проще было бы не разрабатывать сложную и очень ненадежную операцию с тараном яхты, а завербовать одного или нескольких офицеров в Константинополе, которые под каким-нибудь предлогом попали бы на «Луккул» или подстерегли Врангеля в городе. Ведь несколько тысяч галлиполийцев возвратились в Советскую Россию, и не так уж сложно было бы найти среди них подходящих агентов.

Занимаясь главным образом политическими и финансово-выми делами, Врангель всё меньше внимания уделял военным вопросам; во многом передоверив их Кутепову. В составе армии лишь Добровольческий корпус остался верен барону, а казачьи атаманы фактически вышли из его подчинения.

В конце 1921 года Врангелю удалось организовать переезд своих войск в Болгарию и в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года — Королевство Югославия). Там они получили виды на жительство, но остались на полузарменном положении и сохранили значительную часть оружия. 1-я кавалерийская дивизия численностью 3300 человек в полном составе поступила на службу в югославскую пограничную стражу. Около семи тысяч бывших военнослужащих Русской армии предпочли уехать в Советскую Россию. В сентябре 1921 года прекратил свою деятельность Русский совет.

Врангель со штабом переехал из Константинополя в Королевство сербов, хорватов и словенцев в марте 1922 года, выбрав местом своего жительства городок Сремские Карловцы, в 50 километрах от Белграда. Там произошло воссоединение семьи — к сыну из Германии приехали Мария Дмитриевна и Николай Егорович. В то время у Петра Николаевича и Ольги Михайловны родился четвертый ребенок, сын Алексей.

Барон понял, что бывшие союзники России не предоставят помощи последним ее воинам, и заявил: «Я ушел из Крыма с твердой надеждой, что мы не вынуждены будем протягивать руку за подаянием, а получим помощь от Франции как должное, за кровь, пролитую в войне, за нашу стойкость и верность общему делу спасения Европы. Правительство Франции, однако, приняло другое решение. Я не могу не считаться с этим и принимаю все меры, чтобы перевести наши войска в славянские земли, где они встретят братский прием». Постепенное прекращение французских субсидий послужило главной причиной переброски Русской армии из окрестностей Константинополя. Последний русский солдат покинул Галлиполи 5 мая 1923 года. И в этот же день Врангель объявил о своем подчинении великому князю Николаю Николаевичу.

Генерал-майор Николай Всееволодович Шинкаренко (он

же — поэт и писатель Николай Белогорский) написал стихотворение, обращенное к Врангелю в Галлиполи:

Генералу Врангелю

Два штандарта в вашем тесном кабинете,
В сонных складках шелка память славных дат.
Помните ли жест на конном стилизованном портрете?
Вам теперь осталась лишь любовь израненных солдат.

Вы ходить любили быстрыми шагами, —
Но теперь так много заповедных черт.
Палубу тюрьмы так много раз измерили вы сами:
Ваш «Корнилов» был куда просторней; он ушел в Бизерт.

Помните ли ночь с кострами над Червленной?
Божьи звезды в небе с звездами ракет?
Площадь и собор? Привет Царицынской толпы влюбленной?
В дни побед вы были всё такой же, как теперь, — аскет.

Помните дни мая, выход наш из Крыма?
Как за поездом бежали казаки?
А теперь мечта Архистратига скрылась в клубах дыма.
За чужой неласковой оградой Русские полки.

Ваши казаки под стражей сенегальцев,
И корниловцы в тоскливых лагерях.
Но с тех пор, как ваша армия — лишь армия скитальцев,
Даже Русский ветер скован и не смеет дуть в степях.

И в тот скорбный миг, когда вас победили,
Вашей родины окрепли кандалы;
И свобода умерла в тот час, когда морские мили
Начали считать вы, глядя на соленые валы.

Как я жду, чтоб ваша армия воскресла!
Конница пойдет, удилами звеня;
Вы оставите каюту и привинченные кресла, —
В поле так весенне, — сядете вы снова на коня...

А пока штандарты в вашем кабинете.
Спит и не проснулась память славных дат.
И живет лишь жест на конном стилизованном портрете...
Вам осталась лишь любовь израненных солдат.

Сесть на коня Врангелю больше не довелось.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В эмиграции Врангель оставался приверженцем монархической идеи, но считал, что ее нельзя выдвигать открыто, поскольку это может оттолкнуть многочисленные разношерстные эмигрантские круги от кадетов до социалистов.